

В. В. Попов

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ РАССМОТРЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМИОТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Взгляд на соотношение системы права и системы законодательства как на соотношение формы и содержания может быть конструктивным. Однако этому препятствует использование родовидового деления, производного от отношений подчиненности объемов понятий. Недопустимо и установление тождества права и законодательства при их сопоставлении через соотношение формы и содержания. Однако это позволяет применять их при сопоставлении права и законодательства при ином подходе, основанном на использовании особенностей информационной и языковой природе права. Благодаря этому мы можем рассматривать право через модель семантического (семиотического) треугольника Г. Фреге, Ч. К. Огдена, А. А. Ричардса, где выделяются знак (референт), смысл (десигнат) и значение (денотат) права. При этом смыслу права дается не семантическая, а лингвистическая интерпретация, идущая к социальному контексту формирования смысла. Это позволяет снимать примат дескриптивной интерпретации языковых выражений и находить вслед за Дж. Л. Остином смысл именно юридических предписаний.

Ключевые слова: система права, система законодательства, знак права, значение права, смысл права, референт права, десигнат права, денотат права, форма права, содержание права, язык права, референт объектного языка права, объектный язык права.

V. V. Popov

CORRELATION OF LAW AND LEGISLATION: PREREQUISITES FOR EXAMINATION IN THE LIGHT OF THE SEMIOTIC TRIANGLE

The perception of the system of law and the system of legislation as a correlation of the form and the content may be constructive. But the use of the division into genders and kinds derived from the hierarchy of notions interferes with it. It's not admissible to establish the equality of law and legislation when comparing them through the correlation of the form and content.

But the correlation of the form and the content makes it possible to use them when comparing the law and legislation under another approach. It's based on the use of peculiarities of informative and linguistic nature of law. This provides the grounds to analyze law through the pattern of the semiotic triangle by G. Frege, Ch. K. Ogden, A. A. Richards. Within the frames of this pattern it's possible to distinguish the sign of law, the designatum and the denotatum of law.

The legislation will be the referent (the sign) of law, precisely the referent of the object language of law. The designatum of law is interpreted from the semantic, not linguistic point of view which leads to the social context of creating the designatum. It makes it possible to remove the priority of the descriptive interpretation of linguistic statements and after Dj.L. Ostin find the designatum of legal regulations.

Key words: the system of law, the system of legislation, the sign of law, the meaning of law, the sense of law, the referent of law, the designatum of law, the denotatum of law, the form of law, the content of law, the language of law, the referent of the object language of law, the object language of law.

Соотношение систем права и законодательства не следует проводить по линии таких фундаментальных категорий, как «объективное» и «субъективное» [1; 2].

Представляется конструктивной мыслью о том, что в качестве базовой философско-методологической предпосылки в решении вопроса о соотношении систем права и законодательства является вопрос о соотношении формы и содержания [3, с. 24, 25]. Такой подход стал приобретать популярность после третьей волны масштабной дискуссии в отечественной науке (1982 г.) о соотношении систем права и законодательства и хорошо сочетается с

верной мыслью о том, что право и законодательство неразрывны как различные выражения аспектов [4, с. 111] сущности права [5, с. 12].

Можно согласиться с мнением М. И. Байтина и Д. Е. Петрова о том, что в ходе второй дискуссии о системах права и законодательства (1956—1958 гг.) была выявлена (точнее «была *поставлена*») проблема несовпадения системы права с системой законодательства [6, с. 30]. Варианты ее решения в метаязыке (языке науки) фактически были представлены посредством исчисления

объемов понятий «система права» и «система законодательства».

Сегодня можно увидеть, что различные ученые предлагают модели, фактически соответствующие одному из трех вариантов исчисления объемов:

1. Отношение подчинения: родовидовое деление понятий, когда объем понятия «система права» включает в качестве подмножества объем понятия «система законодательства» [7, с. 170] либо, наоборот, объем понятия «система законодательства» включает в качестве подмножества объем понятия «система права» [5, с. 12; 8, с. 5].

2. Отношение тождества: объемы понятий «система права» и «система законодательства» тождественны друг другу [9, с. 118].

3. Отношение пересечения: объем понятия «система права» частично включает в себя объем понятия «система законодательства» (так называемое несовпадение отраслей права с отраслями законодательства), т. е. признается наличие отраслей права, не являющихся отраслями законодательства [10, с. 339; 11, с. 198].

Однако демонстрация вариантов соотношения системы права (понимаемой как содержание) и системы законодательства (понимаемой как форма) через исчисление объемов данных понятий с помощью булевой алгебры, наглядно представляемое в виде кругов Эйлера, не вполне корректно. Во всех этих случаях мы получаем **неприемлемое** сочетание понятий «система права» и «система законодательства».

Например, в варианте с отношением подчинения получаем родовое понятие «система права», а в качестве одного из **видов системы права** мы вынуждены указывать на систему законодательства либо наоборот.

Конечно, исследователь, сделав соответствующие оговорки, волен так задать объемы понятий «система права» и «система законодательства», что приведенные выше схемы родовидового деления станут приемлемыми. Но в таком случае мы не будем иметь возможности использовать в качестве базовой философско-методологической предпосылки в решении вопроса о соотношении системы права и системы законодательства такие категории, как «форма» и «содержание». Причины очень просты: не вполне верно говорить о такой форме, которая была бы **видом содержания**, равно как и не следует рассуждать о таком содержании, какое было бы **разновидностью формы**.

Если же вести речь об отношении частичного пересечения, то мы получаем три неприемлемых элемента: 1) бессодержательную форму; 2) бесформенное содержание; 3) форму, совпадающую с содержанием.

В отношении тождества мы также видим элемент, с которым не можем согласиться, — форму, совпадающую с содержанием.

Во всех этих случаях перед нами попытка совмещения несовместимого. Исчисление объемов понятия для выявления между ними отношений тождества, подчинения или пересечения допустимо лишь в отношении совместимых понятий. С несовместимыми понятиями такие операции проводить нельзя. В них ни один из элементов одного понятия не входит в объем элементов другого. Мы полагаем верной мысль о том, что ни одна форма не является содержанием. Хотя в контекстах диалектических рассуждений и было принято говорить о возможном взаимном переходе формы и содержания, но все же речь не шла о том, что форма одновременно является содержанием в отношении одного и того же феномена, который мы характеризуем посредством понятий «форма» и «содержание», равно как и наоборот. В силу этого понятия «форма» и «содержание» нам представляются несовместимыми для проведения логической операции исчисления их объемов.

Очевидно, что использование понятий «внутренняя форма» и «внешняя форма» еще более наглядно демонстрирует их несовместимость, поскольку сами категории «внешнее» и «внутреннее» являются противоположными.

Итак, мы видим необоснованное пренебрежение к конструктивному потенциалу понятий «форма» и «содержание». Если же использовать их методологический потенциал, то алгоритм рассуждения о соотношении системы права и законодательства видится следующим. Несмотря на различие между правовыми школами, проблематично отрицать тот факт, что все эти научные направления в той или иной мере признают в природе права его информационную составляющую. Мы полагаем такой подход совершенно оправданным, поскольку он адекватно описывает и объясняет реальность. Конечно, вопрос определения понятия «информация» нетривиален [12, 13], что неслучайно, так как еще основоположник кибернетики Н. Виннер верно считал информацию третьей фундаментальной основой мироздания [14].

В связи с этим, принимая во внимание всю сложность вопроса об информационной природе права, автор полагает, что допустимо ограничиться (в контексте данной статьи) следующей методологической предпосылкой: исследование информационной составляющей права не будет рассматриваться в рамках внесубъектного существования правовой информации в любых аспектах. Иными словами, поскольку «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не избрал другого способа)» [15, с. 293],

информационную природу права будем рассматривать посредством языковых конструкций. Корректность подобного подхода подтверждается также и тем, что нормативное употребление языка — один из видов его употребления. Оно осуществляется посредством предписывающих (прескриптивных) высказываний [16, с. 23]. Из этого следует, что как минимум в данном (языковом) аспекте право можно понимать как совокупность предписывающих высказываний. Вместе с тем согласимся, что правовая информация значительно разнообразнее, чем совокупность соответствующих предписывающих высказываний. В силу этого вслед за А. А. Шмелевым такой информационный блок в правовой сфере можно называть нормативной правовой информацией [17].

Таким образом, язык в праве «является единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются и оформляются все правовые категории» [18, с. 15]. Язык как определенную семиотическую (знаковую) систему можно считать и носителем права, и важнейшим средством передачи правовой информации. В то же время важно подчеркнуть, что хотя «первым положением постмодернистской картины правовой реальности можно считать ее знаково-символический характер» [19, с. 79], было бы большим преувеличением считать представление о языке как об одной из форм бытия права положением именно постмодернистской либо же иной постклассической теории права. В связи с этим следует обратить более пристальное внимание на язык права. Безусловно, эта тема многогранна, но мы рассмотрим лишь первичные элементы данного языка.

Поскольку языковые выражения складываются посредством особых логических связей из понятий [16, с. 32], постольку есть смысл обратить внимание на понятие в поиске ответа на вопрос о том, что есть соотношение формы и содержания применительно к праву и законодательству.

Родовым понятием при этом можно считать **ИМЯ** — «выражение языка, обозначающее отдельный предмет или совокупность сходных предметов» [16, с. 33]. В свою очередь «понятие — общее имя с относительно ясным и устойчивым содержанием, используемое в обычном языке или в языке науки» [16, с. 34].

Вместе с тем даже на уровне обыденного опыта и здравого смысла несложно заметить, что один и тот же знак может означать не одно и то же. Даже если считать некоторым преувеличением слова К. И. Скловского о том, что «банальная ситуация юридических разногласий не плод недоразумений, но форма бытия юриспруденции» [20, с. 46], все же нельзя не признать того факта, что одни и те же законодательные формулировки часто порождают различное их понимание. В связи с

этим любое понятие следует рассматривать через призму трех ипостасей бытия: «...мира действительности, мира понятий и мира значений. Эти величины следующим образом соотносятся друг с другом: ...мир действительности есть исходная величина; мир понятий обусловливается процессом познания действительности и стремится быть адекватным ему...; мир значений есть тот конкретный способ, которым фиксируется в языке мир понятий...» [21, с. 3]. Эта верная мысль основана на модели семантического треугольника Г. Фреге, которая была усовершенствована Ч. К. Огденом и А. А. Ричардсом (треугольник отнесенности) в их работе с показательным названием «Значение значения», опубликованной в 1923 г.

Согласно схеме семантического (семиотического) треугольника С. К. Огдена и И. А. Ричардса в понятии следует различать знак, значение и смысл. Сразу оговоримся, что схема семантического треугольника широко используется в различных научных исследованиях, однако в теориях названия вершин данного треугольника в лексическом плане не совпадают [22]. Представляется, что для юридического контекста более приемлем не столько семантический, сколько семиотический подход к данной модели, поскольку он в большей степени отражает социальный контекст формирования смысла.

Итак, первая вершина треугольника — знак, референт. Термин «знак» в лингвистических словарях имеет свыше двух десятков определений [23, с. 158—160]. Но в целом под ним можно понимать собственно слово как языковую единицу, представленную соответствующими знаками конкретного языка (например, буквами алфавита естественного языка).

Следует отметить, что идущие далее две вершины семантического треугольника (значение и смысл) долгое время отчетливо не разделялись. Эти понятия развел Г. Фреге в логической теории знаков. Данная конструктивная мысль в дальнейшем нашла поддержку в логико-философской и лингвистической литературе.

Вторая вершина семантического треугольника — объект или предметное значение. В логико-семиотических исследованиях значение часто называется «денотат», а в лингвистике — «референт». В учебной литературе под денотатом подразумевают объем понятия, т. е. «совокупность или класс тех предметов, которые обладают признаками, входящими в содержание понятия» [16, с. 34].

Третья вершина — смысл понятия. Часто его называют содержанием. «Содержание понятия — совокупность тех свойств, которые присущи всем

предметам, обозначаемым данным понятием, и только им» [16, с. 34]. В лингвистике его называют десигнатом, в математике — концептом денотата. Следует обратить особое внимание на то, что сама концепция смысла в нашем юридическом контексте будет опираться не на аристотелевские идеи (иногда называемые классическими), связывающие смысл с целью (действия), но иметь феноменологические корни, хотя и без феноменологической гиперболизации субъективизма.

Нужно еще раз подчеркнуть один важный момент. Столь детальное рассмотрение структуры понятия обосновано особенностями исследования именно права. В частности, в формально-логических исследованиях допустимо абстрагирование высоких уровней, позволяющее говорить вообще о знаке и означиваемом, при этом обходить проблему смыслообразования в социальной среде. Хотя подобный подход больше приемлем для среды искусственных языков, все же его «дух» явно угадывается в классической (идущей в канве классической рациональности) юриспруденции. Ее отличает специфический натурализм, склонность верить в универсальность научной методологии без различения особенностей естественных и гуманитарных наук, соответственно, вера в причинность социальных явлений, реификация (гипостазирование) — опредмечивание абстрактных сущностей, превращение абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены. **«Практически все понятия классической юриспруденции: норма права, система права, субъект права, действие права и т. д. — суть реифицированные категории, коим приписывается (атрибутируется) свойство объективного надличностного (безличностного) бытия.** Ученый-юрист олицетворяется юридическим Гераклом (по У. Блекстону), знающим ответы на все вопросы» [19, с. 166].

Справедливости ради отметим, что подобная проблема присуща вообще всей классической гуманитарной науке, поэтому вопрос адекватного описания и объяснения (понимания) права неразрывно связан с проблемой реального смыслообразования, отнесенного к конкретным субъектам не только языка науки о праве, но и самого права. Иными словами, речь идет о наполнении права и науки о праве «человекоразмерностью и практической ориентированностью» [19, с. 166]. В качестве возражения здесь можно привести идеи Г. Фреге, поскольку считается, что именно он заложил основы объективистской, антипсихологической концепции смысла, трактующей смысл как феномен интерсубъективный, по сути, не связанный с фактором пользующегося языком и

интерпретирующего язык человека [24, с. 96]. Но в данном случае контраргументом будет то, что, несмотря на намерения самого Г. Фреге, его семантическая модель очень удобна для отхода от проблемы некоего объективного, единственно верного понимания смысла.

Как еще одно потенциальное возражение можно рассматривать, например, слова Р. И. Павелениса, дающего, на наш взгляд, не реальную лингвистическую, а скорее социально-абстрактную, логическую интерпретацию семантического треугольника: «Понятие смысла Фреге имеет познавательную функцию: оно вводится, прежде всего, для решения проблемы познавательной ценности или информативности истинных утверждений тождества» [25, с. 48, 49].

Однако, по мнению Дж. Л. Остина, философия языка во многом пострадала от так называемого дескриптивного заблуждения, поскольку язык анализировался так, как если бы он был исключительно дескриптивным [26, с. 153]. Дж. Л. Остин полагал, что для решения данной проблемы следует вновь от понятий и высказываний идти к языку, социальному контексту формирования и приписывания смысла. Действуя таким образом и снимая примат дескриптивной интерпретации языковых выражений, Дж. Л. Остин вводит понятие перформатива и обосновывает допустимость нахождения смысла именно перформативов.

Развивая идеи Дж. Л. Остина (о смысле недескриптивных высказываний), многие исследователи предлагали различные варианты классификации перформативов, но все они выделяли среди них предписания, говоря, например, о регулятивных перфективах (Ю. Хабермас), директивах (Д. Вундерлих, Дж. Серль), актах власти (Б. Фрейзер). В силу этого объяснимо, почему один из известнейших специалистов в области философско-правовых исследований Г. Л. А. Харт отмечал, что именно Дж. Л. Остин оказал наибольшее влияние на формирование его правопонимания [27, с. 273] (хотя Г. Л. А. Харт говорил о перформативах несколько иначе: противопоставлял дескриптивизму аскриптивизм) [28, с. 119].

Ход рассуждения Дж. Л. Остина видится верным, поэтому допустимо говорить о нахождении смысла предписывающих высказываний в целом, а не только отдельных понятий, формирующих данное высказывание. Таким образом, можно выстроить следующую модель права, основанную на определенном **подобии** семиотическому треугольнику и включающую в себя знак — референт права, смысл — десигнат права и значение — денотат права. Законодательство, понимаемое как минимум в виде совокупности нормативных правовых актов, а как максимум в виде всех форм права, является знаком, т. е.

референтом права (референтом объектного языка права). Конечно, в реальности речь идет о совокупности знаков как подмножестве знаковой системы определенного естественного языка (русского, французского, английского и т. д.). Референт (знак) права отражает такой признак права, как формальная определенность и представлен той или иной формой права. Уточним, что знаковую форму, например письменную, имеют не только нормативные правовые акты. Так, если мы говорим о прецедентном праве, то заметим, что, в частности, в английском общем праве все судебные прецеденты формально определены в специальных официальных сборниках, называемых «Law Reports». Если речь идет об обычае, то его нельзя считать *правовым* до тех пор, пока он не был санкционирован государством, например, в рамках какого-либо юридического дела, что предполагает хотя бы косвенное указание на него в официальных документах юридического процесса.

Список библиографических ссылок

1. Попов В. В., Астахова И. А. Система права и система законодательства: проблемы толкования объективности системы права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016 . № 4. С. 16—20.
2. Попов В. В. Плюрализм интерпретации объективности права в контексте соотношения системы права и системы законодательств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1. С. 10—13.
3. Шибанов А. Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит. 1968.
4. Бастрыкина О. А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2005.
5. Волленко Н. Н. Понятие системы права // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 11. 2009. С. 11—16.
6. Байгин М. И., Петров Д. Е. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 29—40.
7. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Ярославль: ЯрГУ. 2005.
8. Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1967. Вып. 11. С. 3—24.
9. Лившиц Р. З. Теория права. М.: БЕК, 1994.
10. Сенякин И. Н. Система права и система законодательства // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / под. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 2001. Т. 2.
11. Общая теория государства и права: учебник / под общ. ред. А. С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 1996.
12. Урсул А. Д. Природа информации: философский очерк . Челябинск: Изд-во Челяб. академии культуры и искусств, 1968.
13. Эшби У. Р. Введение в кибернетику М.: Иностранная литература, 1959.
14. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в живом и машине М.: Наука, 1983.
15. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
16. Ивин А. А. Логика: учеб. пособие. М.: Оникс; Мир и Образование, 2008.
17. Шмелев, А. А. О правовой информации. URL: <http://www.scli.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
18. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной лингвистики. Пермь, 1967.
19. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012.
20. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут. 2008.
21. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976.
22. Яшина Т. В. Вариативность семантического треугольника в аспекте изучения терминологических единиц // Огарев-online. 2013. № 4. URL: <http://journal.mrsu.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
23. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
24. Структура и смысл. Киев: Наукова думка, 1989.
25. Павиленис Р. И. Проблема смысла (современный логико-философский анализ языка). М.: Мысль, 1983.
26. Остин Дж. Л. Истина. Три способа пролить чернила: филос. работы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
27. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
28. Харт Г. Л. А. Приписывание ответственности и права // Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение». 2010. № 5 (292). С. 116—135.